

Евгений Замятин. Непутевый

Рассказ

Источник: Е. И. Замятин; Избранные произведения в двух томах; Том 1.
Изд-во: "Художественная литература", Москва, 1990.

OCR: Александр Белоусенко; правка: Давид Титиевский, май 2005.

[Библиотека Александра Белоусенко](#)

1

Петра Петровича все до единого по имени-отчеству величают, а Сеню - хоть бы раз для потехи Семен Ивановичем кто назвал, хоть какой бы нибуду студент завалящий. Нет: Сеня, да и только. Бывает, иной раз заершится он:

- Какой я вам Сеня? Почему он Петр Петрович, а я Сеня?

- Да так уж вот - Сеня.

Смеются: взаправду-то разве может сердиться Сеня?

Сеня и Петр Петрович - все вместе да вместе, друзья неразлучные, водой не разольешь. Дивятся на них: как будто Петр Петрович, - человек степенный, положительный. И откуда у него дружба с Сенею пошла?

А вот откуда. Шел Петр Петрович на Балчуг, домой, шел потихоньку под кремлевскими стенами. Тени узорчатые от зубцов, башни боярами степенными наверху дремлют, и у всякой-то крещеное свое имя: Водовзводная, Тайницкая, Кутафья, Набатная, Спасская. Страсть как башни эти Петр Петрович любил. Замечтался, ночь на исходе розовая, свежая - май.

И вдруг - вздрогнул даже - голос какой-то сверху:

- Коллега, коллега!

Огляделся Петр Петрович - площадь пустая, городской дремлет. Эка, - думает, - наяву притчиться стало. А голос этот опять:

- Коллега, да я тут, постойте!

Глянул наверх Петр Петрович - да так вот и ахнул... Батюшки мои, это он на стену кремлевскую залез каким-то манером и оттуда:

- Извините, - говорит, - коллега, я задержал вас. Но мне здесь одному скучно. И к тому же я в приподнятом, так сказать, настроении: острое отравление алкоголем. Кругом - ночь, красотища, говорить хочется, понимаете - говорить...

- Да погодите: забрались-то вы туда как?

- Э, компания тут нас была. В веселом состоянии. Ну, пари пустяковое... Да не в этом дело, а в том, что назад-то слезть я никак не могу. Веревку унесли, подлецы!

Сидит себе там посередь двух зубцов, разговаривает и ножки вниз свесил. Чудно невтерпех стало, захохотал Петр Петрович во всю глотку. А тот сверху - в ответ.

Должно быть, от смеху этого ихнего городской проснулся. Видит - непорядок. А поди-ка его, непорядок-то, сверху ссади. Потеха! Булочки, газетчики ранние, мальчишки, дворники, лестницы. Переправили, наконец, раба Божия, на твердую землю. А с твердой земли - первым делом, конечно, в участок.

В участке и оказался он - Сеня Бабушкин, студент первого курса.

- Да факультета какого, факультета? - добивался пристав.

- Пишите - вообще, мол, первого курса. Потому что некогда поступил я на математический, потом на медицинский перешел, на естественный, а теперь вот на юридический собираюсь, - опять же на первый курс.

Смеялся пристав, смеялся и Сеня. Запротоколили и Петра Петровича за компанию. Просидели оба в участке до полдня - и вышли оттуда друзьями неразлучными.

- Обязательно впрыснуть надо, - порешил Сеня.

Зашли в трактир "Муравей" на Солянке. Петр Петрович - что ж, Петр Петрович - все в меру, а Сеня так впрыснул, что опять в участок чуть не вернулся. Уж городской к нему подошел:

- Господин... Пожалте, господин. Господин, а господин!

Но Сеня, по случаю заключенного с Петром Петровичем нерушимого союза, был полон любви к человеку. Обнял Сеня городского и к груди крепко прижал:

- Гар-р-давай, милай! Ты пойми, ми-илай... Сконфузился городской: как человека на цугундер тащить, когда он в объятиях тебя держит? Высвободился